

— Хватит спорить, — неожиданно прервал затянувшийся спор Ю Минагава, обращаясь к Конану Эдогаве, который всё ещё пытался вразумить Яо Годзё. — Маги и обычные люди живут в совершенно разных мирах. И законы выживания у них тоже свои. Попытаешься мерить наш мир мерками обывателей — долго не протянешь.

Минагава, не принадлежавший ни к одному из великих кланов, пришёл в мир магов всего несколько месяцев назад. Кому, как не ему, вчерашнему обывателю, была известна эта колоссальная пропасть между правилами двух миров.

Он посмотрел на стоявшего у его ног мальчика. Лицо ребёнка светилось упрямой верой в справедливость, и Ю невольно позавидовал ему. Вырастить в себе такую идеалистическую, твёрдую веру в добро можно было лишь в теплом, светлом мире. Даже если этот ребёнок и сталкивался с грязью жизни, его всегда согревала чья-то нежная забота, даруя силы стоять на своём до конца.

Конан Эдогава замер, не найдя что ответить. Спор потерял всякий смысл, и мальчик тихо отступил.

В этот самый миг воздух перед ними дрогнул, и Годжо Хара, мгновением ранее исчезнувший вместе с пленным проклятым магом, вернулся назад. Рядом с ним стоял молодой человек в тёмных очках. Белоснежная копна растрёпанных волос, точно такие же черты лица — сходство казалось абсолютным. Сомнений быть не могло: перед ними стояли братья-близнецы.

Увидев их, Яо радостно шагнула вперёд:

— Господин Хара! Учитель Сатору!

Сатору расплылся в улыбке и мгновенно выхватил телефон, принимаясь беззастенчиво щёлкать камерой.

— Ой-ой, Яо, ну и видок у тебя потрёпанный! Прямо жалко смотреть! Сейчас сфотографирую и скину в беседу класса, пусть ребята полюбуются, как тебя отделали.

Девушка даже не шелохнулась, покорно позволяя себя снимать. К подобным выходкам она давно привыкла. Подумаешь, учителю Сатору захотелось собрать на неё компромат. Разве великий Сатору-сама может быть в чём-то неправ?

Будучи преданной поклонницей Годжо Хары, Яо переняла у своего кумира его главную слабость — безграничное потакание капризам Сатору. Поэтому сейчас она оставалась абсолютно невозмутимой.

В конце концов, среди первокурсников не было ни единого человека, чьи неловкие фотографии не пылились бы в галерее этого несносного преподавателя. А когда позорные тайны есть у

каждого, это всё равно что их нет ни у кого.

Наблюдавший за этим Конан мог лишь безмолвно созерцать происходящее.

«Да у этого парня начисто отсутствует профессиональная этика!»

Стоявший неподалёку Амуро Тоору разделял его скепсис.

«Столько лет прошло, а Сатору почти не изменился с подростковых времён. Всё так же виртуозно умеет доводить людей до белого каления одним своим присутствием».

— Учитель Сатору, а как вы здесь оказались? — любопытствовала Яо. Без крайней нужды её наставник не стал бы утруждать себя и мчаться на зачистку их миссии.

Сатору заговорщически подмигнул скрытыми за очками лазурными глазами и весело протянул:

— Да просто братец обмолвился, что наша милая Яо впервые за долгое время запросила подмогу. Как я мог упустить возможность поглазеть на такое зрелище? Надо же, на вас напали проклятые маги. Но спасти заложников и изгнать проклятого духа — отличная работа, хвалю!

Ему хватило одного мимолётного взгляда, чтобы полностью восстановить картину недавней схватки.

Впрочем, явился он сюда вовсе не ради похвалы. Его истинной целью был Конан Эдогава.

Хара запер пленника в подземной темнице Токийского магического колледжа, где как раз столкнулся с братом, только что вернувшимся из Главного совета магов, где тот в очередной раз донимал Гэто Сугуру. Разумеется, Хара поделился с ним деталями сегодняшнего инцидента.

О том, что Яо и Ю подверглись опасности, Хара упомянул лишь вскользь — раз уж всё закончилось благополучно, незачем было тратить время на лишние подробности. Гораздо больше его занимала другая тема: странное, невероятно глубокое проклятие, опутавшее Конана Эдогаву.

Если уж сам Хара заинтересовался этим ребёнком, то Сатору и подавно не смог бы пройти мимо.

Догадка оказалась верной. Сатору загорелся любопытством и тут же утащил брата за собой, желая лично препарировать взглядом диковинку. Но, переместившись на место, он всё же счёл нужным для приличия поприветствовать учеников.

Заметив, что Годжо Хара вернулся без пленного проклятого мага, Конан не удержался от вопроса:

— Что вы сделаете с тем преступником? Как вы с ним поступите?

Воспользовавшись моментом, Сатору бесцеремонно навис над Конаном, вглядываясь в него с пугающим вниманием. От этого движения тёмные очки слегка съехали на кончик носа, обнажая пронзительную, космическую синеву его глаз.

Конан застыл как вкопанный. Вновь навалилось то гнетущее чувство, будто его препарируют заживо, выворачивая наизнанку каждую мысль и воспоминание. Под этим взглядом у него не оставалось секретов. Кожа покрылась мурашками от липкого страха.

Сатору протяжно и весело хмыкнул:

— Ого-о-о, а ведь братец не преувеличивал! Ты и впрямь чертовски интересный малый!

Вновь услышав в свой адрес слово «интересный», Конан лишь скептически прищурился. И что в нём вообще может быть весёлого?

Сатору загадочно усмехнулся, выпрямился во весь свой немалый рост и привычным жестом поправил очки, вновь пряча лазурные глаза за тёмными стёклами.

Мысли Конана путались от тревоги. Дело принимало скверный оборот. Неужели эти двое при первой же встрече сумели раскрыть его самую охраняемую тайну? Неужели их аномальное зрение способно безошибочно разглядеть взрослого парня, запертого в теле первоклассника?

«Нет, это абсурд, — попытался унять панику юный сыщик. — С точки зрения науки это невозможно...»

Впрочем, глупо было мерить наукой мир, где люди щелчком пальцев изгоняют монстров.

Пока Конан лихорадочно искал логическое объяснение, Сатору бесцеремонно взъерошил его причёску, снова превратившись в беззаботного дуралея.

— Малыш, не забивай себе голову всякой чепухой! Доверься мне. Твой крутой учитель Годжо Сатору со всем разберётся! Мы с братиком ведь абсолютно непобедимы!

У Конана задергался глаз.

«От его слов становится только тревожнее... Взрослый мужик, а ведёт себя как типичный

подросток в разгаре синдрома восьмиклассника. От этого болтуна за версту веет ненадёжностью».

И всё же детектив упрямо настоял на своём:

— Я без понятия, как у вас выносят приговоры проклятым магам, но, пожалуйста, пусть палачами не выступают дети.

Даже если эти подростки умеют колдовать, они всё ещё остаются детьми.

Сатору внимательно посмотрел на него, а затем громко расхохотался:

— Ладно-ладно, не кипятись! Грязную работу мы берём на себя. Моим ученикам положено наслаждаться своей прекрасной юностью, так что никто не заставит их пачкать руки. Обещаю!

Конан удивлённо моргнул. Это было его первое столкновение с изнанкой реальности. После того как его привычная картина мира разлетелась в щепки, он пришёл в ужас от обыденного тона Хары, предложившего юной Яо лично оборвать жизнь побеждённого противника. Судя по поведению остальных, детектив уже успел решить, что его доводы для магов — пустой звук.

Но он продолжал спорить. Знал, что его слова звучат наивно, понимал, как раздражает окружающих своей неуместной моралью, но упрямо гнул свою линию.

И совершенно не ожидал, что этот странный преподаватель так легко согласится с ним.

— А... Да, хорошо. Спасибо, — пробормотал растерянный Конан. Он всё ещё пребывал в лёгком ступоре, но невольно признал, что у этого несносного Сатору всё-таки есть зачатки совести.

По крайней мере, когда тот произнёс «с этим разберутся взрослые», в его голосе прозвучало что-то по-настоящему благородное.

Сыщик покосился на Годжо Хару. Сатору-то согласился, но пойдёт ли на попятную его брат? Вдруг близнецы разругаются из-за разных взглядов на воспитание молодёжи?

Закончить мысль Конан не успел — Хара без малейших колебаний кивнул:

— Сатору прав. Пожалуй, нам стоит внимательнее фильтровать задания для первокурсников. Впредь миссии, связанные с поимкой проклятых магов, не должны оказываться в их расписании.

Сатору задорно подмигнул брату:

— Ну, слишком беречь их тоже не стоит, иначе они совсем размякнут без хорошей взбучки. Будет до боли глупо, если после выпуска кто-то из них погибнет от рук первого встречного проклятого мага. — Он упёр руку в бок и с гордостью провозгласил: — Решено! Я открываю факультатив выживания имени себя! Мы воспитаем из них настоящих монстров, способных размазать любого врага одной левой. А то смотреть тошно, как нашу Яо так легко укатали в асфальт. Безобразие!

Хара озабоченно нахмурился:

— Сатору, наши ученики слишком слабы. Даже под твоим руководством природные лимиты не позволят им быстро прыгнуть выше головы. Может, лучше для начала научить их грамотно делать ноги? При встрече с опасным противником главное — сохранить жизнь.

Ему хотелось поддержать затею брата, но суровая реальность говорила сама за себя: нынешние студенты выдающимися талантами не блистали. Ни у кого из них не прослеживалось даже намёка на потенциал мага особого ранга.

Программу тренировок явно стоило скорректировать.

Сатору озадаченно почесал щеку:

— Хм, а ведь ты прав. Они действительно слабоваты. Но вот незадача: я сам в жизни ни разу ни от кого не убегал. Откуда у меня взяться такому опыту? Как я буду учить их тому, чего сам не умею?.. — Он ненадолго погрузился в размышления, а затем его лицо озарила шальная улыбка. — Эврика! Бегать я не умею, зато превосходно умею загонять других! Я просто буду устраивать на них безжалостную охоту. Перед лицом верной гибели они мигом освоят все премудрости побега и маскировки!

Сатору довольно потер ладони, искренне восхищаясь собственной изобретательностью.

Хара одобрительно кивнул:

— Тебе помочь, Сатору?

— Ещё как! — радостно затащил тот.

Яо и Ю, стоявшие неподалёку, побелели и мелко задрожали. Похоже, вопросом их выживания великие наставники задаваться не планировали вовсе.

Два сильнейших мага современности собираются открыть на них охоту просто ради тренировки. Честь, конечно, неопишущая, но от неё веяло могильным холодом.

«Нам предстоит бегать от сильнейших? Вы это сейчас серьёзно?»

Тоору вспомнил разрушительную мощь Годжо Хары, которую тот когда-то продемонстрировал в Ассоциации сосуда времени, буквально расколов землю пополам. Сглотнув вставший в горле ком и глядя на несчастных, впавших в ступор студентов, он не выдержал и заступился за них:

— Не слишком ли радикальные методы? Вы уверены, что обойдётся без жертв?

Ему искренне хотелось узнать, способны ли эти двое вообще сдерживать свою колоссальную мощь, чтобы случайно не размазать детей по стенам.

Конан тоже мысленно посочувствовал ребятам. Он не видел близнецов Годжо в деле, но от всей души соболезновал ученикам, которым достался настолько безответственный наставник.

Сатору беспечно отмахнулся:

— Пустяки! В нашем Токийском колледже есть целых два мастера обратной проклятой техники, умеющих исцелять других. Так что умереть мы им точно не дадим.

Даже если им оторвёт руки-ноги или раздробит рёбра — пока в теле теплится хотя бы искра жизни, их гарантированно вытащат с того света.

Тоору и Конан синхронно промолчали.

«Значит, главный критерий успеха — отсутствие трупа? Ну и повезло же бедолагам...»

Желая отблагодарить спасителей, Тоору вызвался угостить всех обедом. Заодно у него появлялся отличный шанс выведать побольше подробностей о скрытом от простых глаз мира магов.

Мир магов славился своей кастовостью и закрытостью. Даже Департамент общественной безопасности владел лишь самыми поверхностными сведениями об их делах, а о глубоком анализе внутренней кухни и говорить не приходилось. Информация, полученная Тоору из официальных каналов ведомства, не шла ни в какое сравнение с тем, что он успел узнать от самого Хары.

После того как близнецы приютили Морофуси Хиромицу, их контакты с Тоору стали регулярными. Через него они получали ценные сведения о связях Чёрной организации с беглыми проклятыми магами. Этот неофициальный канал обмена данными устраивал обе стороны.

Поэтому братья охотно приняли приглашение. Между ними давно завязались рабочие

отношения, пусть и сугубо конфиденциальные.

Впрочем, присутствие студентов и маленького Конана накладывало свои ограничения. За едой Хара и Сатору делились с Тоору лишь общими новостями, избегая затрагивать темы, не предназначенные для ушей посторонних.

Зато Конан развил бурную деятельность, настойчиво расспрашивая близнецов об устройстве мира магов. Его дотошность и стремление докопаться до первооснов магии выглядели для первоклассника крайне неестественно.

Хара быстро устал от этой навязчивости и отстранился, надев маску вежливого безразличия. А вот неугомонный Сатору с удовольствием поддержал беседу. Он казался идеальным объектом для расспросов, и вскоре Конан переключился исключительно на него.

Сатору весело трепался обо всём подряд, хотя его ответы на проверку оказывались откровенным словоблудием. Но формально придаться было не к чему — на вопросы он отвечал.

Конана, разумеется, такая игра в кошки-мышки не устраивала. Но стоило ему проявить излишнюю настойчивость, как Сатору вдруг заговорщически понизил голос:

— Раз уж ты завалил меня вопросами, давай теперь я спрошу кое-что. Как тебе удалось втиснуть такую огромную, зрелую душу в это крошечное детское тельце? На классическое воплощение древнего мага это не похоже — тело-то явно твоё собственное. Неужели тебя проклял какой-то уникальный проклятый дух? Потрясающая аномалия, так бы и препарировал её взглядом!

Лицо Конана мгновенно исказилось от ужаса. Спина взмокла от холодного пота.

Когда он успел выдать себя? Детектив и подумать не мог, что Сатору раскусил его с первой же секунды! Что теперь делать?

И пусть Сатору приписал всё действию проклятия, совершенно не подозревая о существовании химического препарата, легче от этого не становилось.

С трудом подавив панику, Конан заставил себя успокоиться и трезво оценить ситуацию. Нужно было срочно искать выход.

С другой стороны... Если наука бессильна, быть может, стоит использовать этот ненаучный метод, чтобы вернуть прежний облик?

Даже если магия не способна исцелить его напрямую, что, если объединить её возможности с разработками Хайбары Аи? Вдруг получится продлить действие временного антидота?

Сатору нетерпеливо ткнул его пальцем в плечо:

— Эй, не зависай! Живо отвечай мне!

Конан попытался уйти от темы:

— Учитель Сатору, вам как педагогу не пристало общаться в столь развязной манере. Вы подаёте дурной пример ученикам.

Сатору лишь досадливо цыкнул:

— Да ладно тебе. Мои подопечные в большинстве своём — примерные детки из благородных домов. Их с пелёнок выдрессировали быть приличными занудами, так что мои словечки к ним не прилипнут при всём желании.

Все они воспитывались в строгих традициях, где малейшее нарушение этикета приравнялось к позору. Единственными, кто вызывал у Сатору симпатию, были Яо — дитя реформированного клана Годжо, и Ю Минагава, выросший вне сословных предрассудков.

Остальные же студенты беспрекословно заглядывали в рот старейшинам. Жалкие марионетки консервативных гнилых мандаринов, совершенно невыносимые типы.

Впрочем, Сатору не делил детей на любимчиков и изгоев. Он пришёл в преподавание с чёткой целью — взрастить новое поколение, способное уничтожить закостенелый уклад мира магов. Воспитание этих ребят и было его главной миссией. Если они казались ему занудами, значит, следовало приложить усилия и выбить из них эту спесь.

Но менять свои привычки в угоду какому-то мальчишке? Ну уж нет. Даже Хара никогда не читал ему нотаций по этому поводу. С какой стати он должен слушать посторонних?

Пропустив упрёк мимо ушей, Сатору вновь настойчиво потряс мальчишку за плечо:

— Давай, выкладывай! И не думай соскочить с темы!

Конан натянуто рассмеялся, торопливо выкручиваясь:

— Ой, я, кажется, наелся! Господин Амуро, когда мы поедem обратно? Нам ведь ещё нужно помочь полиции с делом.

Отговорка была шита белыми нитками. Оба прекрасно знали, что любые дела, затрагивающие магию, подчищаются вспомогательными управляющими. Те передавали полиции официальную,

скорректированную версию, за рамки которой обычным детективам соваться запрещалось.

Не окажись Тоору и Конан в самом эпицентре событий, им пришлось бы довольствоваться очередной выдумкой прессы об утечке газа или обвале.

Стоило Конану попытаться соскользнуть со стула и сбежать под защиту Амуро, как Сатору бесцеремонно ухватил его за воротник. Пальцы соскользнули, и в руках мага остался лишь красный галстук-бабочка.

Повертев добычу и заметив на её обратной стороне сложную микросхему, Сатору мгновенно переключил внимание:

— Ого, а это ещё что за штуковина? Выглядит чертовски любопытно!

Конан похолодел и отчаянно рванулся возвращать бесценный прибор профессора Агасы:

— Учитель Сатору, это моя вещь! Пожалуйста, верните!

Но Сатору лишь выпрямился во весь свой исполинский рост. Из-за его длинных ног Конан, даже встав на стуле на цыпочки, не мог дотянуться до поднятого высоко вверх галстука-бабочки.

Пусть Сатору никогда не посещал обычную школу и не получал высшего образования, его интеллект и способности к точным наукам были феноменальными.

Покрутив хитроумную вещицу в руках, он за пару секунд разобрался в её устройстве и принципах работы.

Нащупав скрытые регуляторы, Сатору поднёс прибор к губам и произнёс пробное «раз-два». Его чистый, звучный голос мгновенно сменился хриловатым басом зрелого мужчины.

У Тоору слегка дёрнулась щека. Он без труда узнал голос Когоро Мори. Похоже, именно с помощью этого хитроумного устройства Конан усыплял своего номинального наставника и вещал от его имени, раскрывая дела.

Хара и студенты, никогда не встречавшие великого детектива, лишь с искренним любопытством уставились на красную бабочку, транслирующую чужой хриплый бас.

Яо и Ю чувствовали себя слишком скованно в присутствии близнецов, чтобы задавать вопросы, зато Хара церемониться с братом не собирался:

— Сатору, это изменитель голоса? Он может записывать и воспроизводить чужую речь?

Сатору, успевший полностью освоить функционал, крутанул незаметный диск настройки и выжидаяще посмотрел на брата.

Хара мгновенно считал намёк и произнёс пару фраз. Дождавшись, пока прибор запишет образец, Сатору поднёс бабочку к губам и заговорил. Из динамика полился чистый, безупречный голос Хары. Сходство было абсолютным.

Хотя братья были близнецами с идентичной внешностью, они не являлись точными копиями друг друга во всём. По крайней мере, их природные голоса имели едва уловимые различия.

Их тембры были схожи, и посторонний человек вряд ли уловил бы разницу. Однако Хара по своей сути оставался сдержанным и холодным; он привык носить маску мягкой вежливости, из-за чего его речь звучала неторопливо, глубоко и властно. Сатору же говорил экспрессивно, постоянно дурачился, растягивал слова, а порой и вовсе пародировал манеру общения старшеклассниц.

Из-за этой разницы в поведении их голоса звучали совершенно по-разному, и любой внимательный слушатель легко определял, кто именно сейчас говорит.

Именно поэтому эффект от использования прибора показался присутствующим столь поразительным.

Поигравшись, Сатору стёр запись голоса брата из памяти устройства, выключил его и небрежно вернул Конану. Мальчик к этому моменту уже окончательно надулся от злости после безуспешных попыток допрыгнуть до руки великана.

— Вообще-то мне и прибор не нужен, чтобы говорить как мой дорогой братец, — усмехнулся Сатору. Он слегка изменил положение связок, и из его горла полился глубокий, мягкий голос Хары: — Ну как, братик? Похоже получилось?

В отличие от механического звука бабочки, живая имитация Сатору была безупречна.

Даже сам Хара не смог бы найти ни единого отличия от своего собственного голоса.

На губах Хары уже начала зарождаться мягкая улыбка — он собирался похвалить близнеца за потрясающий навык.

Но в следующую секунду Сатору, всё ещё используя его голос, слащаво протянул:

— Сатору-нии-сан, на самом деле младший брат здесь я...

Улыбка Хары мгновенно застыла. Он медленно перевёл взгляд на брата.

Что сейчас сделал этот паршивец?

Что именно он только что произнёс его голосом?

Какой ещё «братец Сатору»?

«Младший брат — это я»?!

Осознав весь смысл услышанного, Хара уставился на близнеца с нескрываемым возмущением:

— Сатору... Ты до сих пор не оставил этих глупых попыток занять моё место?

Его лицо мгновенно сделалось угрожающе серьёзным.

Хара мог простить Сатору любые шалости, капризы и безумства. Но посягательство на статус старшего брата переходило все мыслимые границы.

Быть старшим и оберегать младшего — этот долг давно превратился для Хары в незыблемый жизненный ориентир. Пусть разница в их рождении составляла жалкие минуты, он оставался старшим братом!

Он категорически отказывался уступать это право. Ведь если статус изменится, то и защищать брата он больше не сможет?

Один лишь намёк на подобный исход вызывал у Хары глухое раздражение. Он решительно поднялся из-за стола и, глядя на неисправимого близнеца, холодно произнёс:

— Сатору. Нам пора решить этот вопрос в бою.

<http://bllate.org/book/19549/2004367>